

ЮНГИАНСКАЯ
ПСИХОЛОГИЯ

Мюррей Стайн

Юнговская карта души

Введение
в аналитическую
психологию

Юнгианская психология

Мюррей Стайн

**Юнговская карта души. Введение
в аналитическую психологию**

«Когито-Центр»

1998

УДК 159.9
ББК 88

Стайн М.

Юнговская карта души. Введение в аналитическую психологию /
М. Стайн — «Когито-Центр», 1998 — (Юнгианская психология)

ISBN 978-5-89353-310-1

Эта книга задумана как введение в аналитическую психологию, в учение швейцарского психиатра и ученого Карла Густава Юнга (1875–1961). Автор – известный юнгианский аналитик, экс-президент Международной ассоциации аналитической психологии (IAAP) – предлагает читателю обзор ключевых понятий психики на основе произведений Юнга, его «карту души». Надеемся, книга будет полезна и профессиональным психологам, и студентам, изучающим аналитическую психологию, всем, интересующимся наследием Юнга. Перевод книги осуществлен юнгианцами Киева и Москвы по инициативе Киевской группы развития IAAP. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-89353-310-1

© Стайн М., 1998
© Когито-Центр, 1998

Содержание

Благодарности	6
Введение	7
Глава 1	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мюррей Стайн

Юнговская карта души

Введение в аналитическую психологию

Печатается с разрешения Open Court Publishing Company, a division of Carus Publishing
Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается.

Перевод с английского Ю. Данько (Введение, гл. 3, 8, 9), Д. Залесского (гл. 2, 7), Н. Литвиненко (гл. 7), А. Некрасовой (гл. 1), К. Слепака (гл. 4), А. Стембовской (гл. 6), М. Щаповой (гл. 5)

Под редакцией Ю. Данько

© «Когито-Центр», перевод на русский язык, оформление, 2010.

© Carus Publishing Company, 1998

* * *

Благодарности

Эта книга не увидела бы свет без терпеливой помощи Линн Волтер, выполнившей работу по ее набору и редактуре. Я хочу поблагодарить ее за преданность и неиссякаемый оптимизм. Я хочу также поблагодарить Яну Марлан за ее активную поддержку и одобрительные замечания о моей работе. Те, кто посещал мои лекции на протяжении многих лет, смогут распознать свой вклад во многие детали изложения, которых не было бы в тексте книги, если бы не их вопросы и наблюдения. Всем вам большое спасибо.

Введение

Вы можете осторожно продвигаться вдоль берегов Африки на юг: направляясь же на запад, вы обнаружите там только ужас; это неведомое, не «наше море», а Море Тайн, Mare Ignotum.

Карлос Фуэнтес. Погребенное зеркало

В лето, когда умер Юнг, я готовился к поступлению в колледж. Это было в 1961 году, когда человечество вступало в эру исследования космического пространства и умы были захвачены соревнованием между Америкой и СССР: кто первым из них достигнет поверхности Луны. Все взоры были прикованы к этому великому приключению – покорению космоса. Впервые в своей истории люди смогли оторваться от terra firma¹ и направлялись в путешествие к звездам. В то время я еще не понимал, что наше столетие в равной мере отмечено прорывом внутрь человека, эпохальным исследованием внутреннего мира, предпринятым Карлом Юнгом в те десятилетия, что предшествовали старту спутников и «Аполлонов». Значение Юнга для открытия нашего внутреннего космоса можно сравнивать с ролью, которую сыграли Джон Гленн и Нейл Армстронг в исследовании космоса внешнего.

Юнг тихо почил в своем доме неподалеку от Цюриха, в комнате с окнами на запад, на спокойное озеро. К югу оттуда видны Альпы. За день до ухода он попросил сына помочь ему добраться до окна, чтобы бросить последний взгляд на любимые горы. Всю свою жизнь он исследовал внутренний мир и рассказывал об этих открытиях в своих книгах. В тот год, когда Нейл Армстронг ступил на поверхность Луны, я отправился в Цюрих учиться в Институте Юнга. И то, чем я хочу поделиться с читателями этой книги, – квинтэссенция моего тридцатилетнего знакомства с юнговской картой души.

Цель этой книги – рассказать об открытиях Юнга, представленных в его трудах. Поначалу прикосновение к Юнгу может показаться чем-то подобным проникновению в «Море Тайн», о котором писал Фуэнтес, имея в виду первопроходцев, отправлявшихся в плавание из Испании через Атлантический океан. Именно такое чувство – восторг, смешанный со страхом, – рождается, когда приближаешься к неведомым берегам. Я вспоминаю мое первое впечатление от работ Юнга. Я был настолько захвачен открывающимися перспективами, что с некоторым беспокойством обратился за советом к своим университетским профессорам. Я боялся, не слишком ли «это» опасно. Написанное Юнгом было настолько привлекательно, что, казалось, не могло быть правдой! Вдруг я забудусь, заблужусь, потеряюсь? К моему счастью, учителя дали мне «зеленый свет», и с тех пор я странствую, открывая все новые сокровища.

Собственное путешествие Юнга было гораздо более пугающим. Он действительно не был уверен, найдет ли сокровища или окажется за пределами этого мира, в открытом космосе. Бессознательное на самом деле было Mare Ignotum, когда он впервые погрузился в него. Он был молод, бесстрашен и полон решимости для того, чтобы открывать новое. И он отправился в путь.

Юнг часто называл себя пионером и исследователем тайны, для которой не существует карты, – тайны человеческой души. Видимо, в нем жил дух авантюризма. Для него – как все еще и для нас – психическое представляло собой обширную территорию, большей частью еще не изученную. Она была тайной, бросающей вызов храбрецам, маня их обещанием сокровищ, а робким угрожая безумием. Для Юнга изучение души имело огромное значение, ибо, как он однажды сказал, весь мир висит на единственной нити и этой нитью является psyche – человеческая психика. Потому так важно, чтобы мы все ближе ее узнали.

¹ Твердая земля (лат.).

До сих пор остается неразрешенным вопрос: можно ли познать человеческую душу, проникнуть в ее глубины, начертить карту ее ландшафтов? Пионеры глубинной психологии, такие как Юнг, Фрейд и Адлер, считали возможным определить невыразимую и совершенно непостижимую человеческую душу. Не исключено, что ими руководили остатки былой самонадеянности XIX века, когда они пытались сделать это. И они отправлялись в *Mare Ignotum*, и Карл Юнг был Христофором Колумбом внутреннего мира. XX век стал эрой прорыва и технологических чудес во всех сферах; но он является также и эрой глубокой интроспекции и исследования нашей общей человеческой субъективности, а результат этого исследования воплотился в том, что сегодня известно нам как глубинная психология.

Единственный путь знакомства с психическим – это изучение его карты, нарисованной и доступной нам благодаря усилиям ее великих первооткрывателей. В их наследии мы можем найти множество ориентиров, они вдохновляют нас на дальнейшие исследования и новые открытия. Юнговская карта души, какой бы предварительной и незавершенной она ни казалась, как и все попытки картографирования неведомых земель, все же может быть важным подспорьем для всех вступающих во внутреннее пространство, в мир психики: его карта дает возможность не потеряться в этом мире.

В этой книге я предлагаю познать роль исследователя и картографа, которую Юнг взял на себя, этот образ сопровождает меня, когда я знакомлюсь с его теорией. Психическое – это неведомая страна, которую он исследовал; его теория – это карта, созданная, чтобы рассказать, какой он видел эту территорию. Я попытаюсь нарисовать в этой книге карту души по Юнгу, ведя тебя, читатель, сквозь его наследие. Я предлагаю карту, которая, надеюсь, поможет тебе в дальнейшем самом путешествовать по жизни Юнга и его работам.

Как все картографы, Юнг пользовался теми инструментами и знаниями, которые были в распоряжении в его время. Родившись в 1875 году, в 1900-м он закончил изучение медицины в Базельском университете в Швейцарии, а в 1905-м – психиатрическую подготовку в клинике Бургхельдли в Цюрихе. С 1907 по 1913 год он сотрудничал с Фрейдом, что сыграло первостепенную роль в его жизни, затем несколько лет занимался углубленным самоанализом, пока, наконец, не выступил с собственной психологической теорией. Он назвал ее аналитической психологией и впервые представил миру в 1921 году в книге «Психологические типы»². В 1930-м он, 55-летний, уже в основном сформулировал свою теорию, хотя многие ее положения нуждались в уточнении. Их разработкой он занимался все последующие годы, дополняя и развивая ее вплоть до смерти в 1961 году.

План научного изучения человеческой психики возник у Юнга достаточно рано. Его первое официальное исследование изложено в докторской диссертации «О психологии и патологии так называемых оккультных явлений»³. В ней давалась психологическая оценка внутреннего мира одаренной молодой женщины, которой, как мы теперь знаем, была его кузина Хелен Прейсверк. В отрочестве она обладала необычными медиумическими способностями общения с духами умерших. Юнг был заинтригован, попробовал понять и проинтерпретировать это загадочное явление психики. Он использовал ассоциативный тест, чтобы раскрыть невидимые свойства психического ландшафта, не классифицированные ранее. Его выводы были опубликованы в многочисленных статьях, которые теперь помещены во втором томе его собрания сочинений (*Collected Works*). Вновь открытые свойства бессознательного он назвал «комплексами», этот термин прижился и сделал его известным. После этого он взялся за две животрепещущие психиатрические проблемы – психозы и шизофрению – и написал книгу «Психология *dementia praecox*»⁴, которую послал Фрейду как пример использования идей психоанализа

² Jung. *Collected Works*. Vol. 6.

³ Jung. *Coll. Wks*. Vol. 1. P. 3–88.

⁴ Jung. *Coll. Wks*. Vol. 3. P. 1–152.

в области психиатрии (сам Фрейд работал в области неврологии). Получив от Фрейда теплый, полный энтузиазма отзыв, он вступает с ним в переписку, вскоре знакомится лично и очень быстро становится одним из лидеров зарождавшегося психоаналитического движения. Одновременно он начинает изучение теневых сторон невротических состояний, исходя, в конечном итоге, из открытых им более или менее инвариантных, универсальных фантазий и паттернов (архетипов) в области глубинного психического, которым он дал название «коллективного бессознательного». Описание и детальное рассмотрение архетипов и коллективного бессознательного становится его уникальным вкладом в психологию, благодаря этому его карта оказывается в одном ряду с картами других великих исследователей глубин психического.

1930 год делит профессиональную деятельность Юнга на две почти равные половины: начав в 1900-м практику и психиатрические исследования в Бургхельцли, в 1961-м он умер мудрым стариком в собственном доме в Кюснахте на Цюрихском озере. Ретроспективно можно видеть, насколько плодотворными были первые тридцать лет его профессиональной деятельности. На протяжении этих лет он заложил основные элементы монументальной психологической теории, а также отразил главные научные вопросы своего времени. Вторая половина его творческой жизни, возможно, дала не так много новых идей и теоретических конструктов, но по объему выпущенных книг оказалась даже более продуктивной, чем первая. Это были годы углубления и переоценки выдвинутых ранее гипотез и интуитивных догадок. Он развил свою теорию, дополнив ее исследованиями в области истории, культуры и религии и отыскав ключевые связи с современной физикой. Клиническая работа Юнга с психиатрическими пациентами и анализандами была более продуктивной и интенсивной в первой половине его профессиональной жизни; она сократилось до минимума после 1940 года, когда война прервала нормальную жизнь в Европе, а сам Юнг пережил сердечный приступ.

Подход Юнга к изучению психического был крайне личностным. Его исследования бессознательного основывались не только на работе с пациентами и на экспериментальных данных. Он анализировал и самого себя, на какое-то время фактически сделав себя основным объектом изучения. Тщательно наблюдая свои собственные сновидения и развивая технику активного воображения, он находил путь ко все более глубоким и скрытым областям внутреннего мира. Чтобы лучше понимать своих пациентов и себя самого, он разработал метод интерпретации, основанный на сравнительном изучении культур, мифов и религий; фактически он пользовался любыми материалами из мировой истории, имевшими отношение к психическим процессам. Этот метод был назван им «амплификацией».

Источники юнговской мысли до сих пор до конца не изучены. В своих работах он отдает дань многим мыслителям, среди которых Гете, Кант, Шопенгауэр, Лукреций Кар, Хартманн и Ницше; существенно, что он помещает себя в один ряд с античными гностиками и средневековыми алхимиками. Самым авторитетным философом для него был Кант. Влияние диалектики Гегеля на его теоретизирование также очевидно. Фрейд тоже оставил свой след. Хотя мысль Юнга развивалась на протяжении всех лет его деятельности, в ней заметна преемственность основной интеллектуальной ориентации. Некоторые читатели Юнга обнаруживают семена его позднейших психологических теорий уже в первых университетских сочинениях, прочитанных им в студенческом обществе и опубликованных под названием «Зофингианские лекции». Он написал их до 1900 года, будучи студентом-старшекурсником Базельского университета. Историк Генри Эллиенбергер берет на себя смелость утверждать, что «ростки аналитической психологии Юнга можно обнаружить в его выступлениях в Зофингианском студенческом обществе и в экспериментах с кузиной-медиумом Хелен Прейсверк»⁵. Зофингианские лекции показывают, как рано Юнг увлекся основными вопросами, занимавшими его впоследствии всю жизнь, такими как отражение религиозного и мистического опыта в научном эмпи-

⁵ Henri Ellenberger. The Discovery of the Unconscious. P. 687.

рическом исследовании. Совсем молодой Юнг доказывает, что подобные материи должны быть открыты для изучения и к ним следует подходить без предубеждения. В 1909 году он встретился в университете Кларка с Уильямом Джеймсом, который занимал точно такую же позицию и написал свой классический труд «Разнообразие религиозного опыта», исходя из тех же предпосылок.

На основе своих исследований и опыта Юнг начертил карту человеческой души. Это карта описывает психику во всех ее измерениях, таким образом Юнг пытался прояснить ее внутреннюю диалектику. И все же он всегда сохранял уважение к последней тайне психического. Его теория может быть воспринята как карта души, но это в то же время карта тайны, которую невозможно до конца изложить в рациональных терминах и категориях. Это карта живой, меркурианской сущности – Psyche.

Читая Юнга, необходимо иметь в виду, что карта не есть сама территория. Знание карты – это не то же самое, что переживание глубин души. В лучшем случае карта может быть полезна для ориентировки и планирования пути. Для потерявшегося она может быть спасительной. В иных она пробудит жажду собственного опыта, которую описал Юнг. Впервые прочитав Юнга, я стал записывать свои сновидения. Позднее я даже отправился в Цюрих, чтобы четыре года учиться в институте Юнга. В результате анализа и личного соприкосновения с бессознательным я достиг непосредственного знания того, что было открыто Юнгом. И все же мой внутренний мир не совпадает с его миром. Его карта может указать путь и дать общие очертания, но не раскрывает конкретного содержания, которое каждый должен открыть для себя сам.

Многие свойства этой карты основаны на научной интуиции Юнга и удивительно живом воображении. Современные ему научные методы не могли доказать или опровергнуть, например, его гипотезу о коллективном бессознательном. Сегодня мы ближе подошли к ее обоснованию. Но Юнг был художником, он использовал творческое мышление для воссоздания картины внутреннего мира. Подобно тем прекрасно иллюстрированным картам античности и эпохи Возрождения, появившимся еще до того, как картография стала наукой, карта, созданная Юнгом, иллюстративна, а не абстрактна. Здесь мы находим русалок и драконов, героев и злодеев. Как ученый-исследователь, он, безусловно, был обязан проверять опытным путем свои наития и гипотетические построения. Но и после этого в них оставалось достаточно места для воображения.

Юнг работал в области психиатрии, или медицинской психологии, как он сам иногда говорил. Его главным учителем в годы практики в клинике Бургхельцли в Цюрихе был известный швейцарский психиатр Ойген Блейер, который пустил в обращение термин «шизофрения» для обозначения одного из самых серьезных психических заболеваний и который изучал тему психической амбивалентности. Юнг искал подтверждения и доказательства своих гипотез и вовне, и в своем непосредственном опыте. Диапазон его чтения и интересов был поистине широчайшим. Как исследователь психики, он претендовал на то, чтобы нарисованная им карта описывала не только территорию его собственного внутреннего мира, но и отражала свойства человеческой души вообще. Подобно творениям великих художников, нарисованные им картины обладают способностью вызывать отклик у людей разных поколений и культур.

Я считаю, что этот швейцарский психолог, чье имя сегодня общеизвестно, на которого так часто ссылаются, но чьи труды не всегда читают внимательно и часто критикуют за противоречивость, на самом деле создал стройную психологическую теорию. Я рассматриваю ее как объемную карту, которая показывает различные уровни психики и динамику взаимоотношений между ними. Это непротиворечивое творение, которое волнует одних и оставляет равнодушными других. Его постулаты могут служить образцом научных посылок, и, тем не менее, многие из них крайне сложно эмпирически обосновать или опровергнуть. В этой области продолжается важная работа, но, какие бы результаты она ни давала, суть трудов Юнга будет и

впредь привлекать внимание и восхищать. Произведения искусства никогда не устаревают, хотя карты могут терять свое значение с течением времени в связи с изменением методологии.

Представить карту души по Юнгу в небольшой книге – идея не новая. Подобные попытки предприняли, в частности, Иоланда Якоби и Фрида Фордхам. Моя книга, надеюсь, подчеркнет всеобъемлющую согласованность теории Юнга. Ее часто излагают так: есть что-то здесь, что-то там, но то, что все эти части основаны на едином согласованном видении, которое я считаю великим видением души, не столь уж очевидно. К тому же прошло уже много лет с момента выхода тех ранних книг, предлагающих введение в теорию Юнга, и настало время для нового введения.

Моя цель – показать, что, несмотря на пробелы и противоречия, в основе карты Юнга лежит глубокое единство видения и это единство намного перевешивает случайные отклонения от логической точности. В этом плане для меня не главное показать развитие мысли Юнга или коснуться в той или иной мере ее практического применения в психотерапии и в анализе. Я хотел бы показать то интеллектуальное единство, которое стоит за путаницей комментариев и деталей, составляющих его завершённый труд. Я надеюсь, что внимательный читатель, прочтя эту книгу, сможет увидеть общую картину теории аналитической психологии, как ее излагал сам Юнг, а также определить наиболее важные детали и взаимосвязи единого целого.

Причина внутренней согласованности юнговской картины психики лежит, как мне кажется, в свойстве его мышления, которое не основывается на его эмпирической методологии. Юнг был интуитивным творческим мыслителем по образцу старых философов вроде Платона и Шопенгауэра. Он создал свою карту психики на основе идей, витавших в общей научной и интеллектуальной атмосфере эпохи, но он придал этим идеям уникальный разворот, не столько выступая с радикальными нововведениями, сколько используя общедоступное и создавая из него новые и в высшей степени четкие формы. Он, подобно великим мастерам живописи, использует известные образы и материалы и творит нечто новое, невиданное.

Кроме того, Юнг был визионером в традиции Мейстера Экхарта, Беме, Блейка и Эмерсона. Многие его озарения возникли в моменты пиковых переживаний, посещали его в снах, видениях, во время активного воображения. В автобиографии он признается, что его первым учителем в области «реальности психического» была фигура Филемона, который однажды явился ему во сне и сопровождал его на протяжении многих лет в моменты активного воображения⁶. Непосредственный опыт переживания был важнейшим источником юнговской теории, что свидетельствует о ее глубоком внутреннем единстве и согласованности.

Но при всем том Юнг оставался последовательным ученым, и это выводит его творчество за пределы опусов поэтов и мистиков. Он использовал научный метод, его труды предназначались для научного сообщества и подлежали эмпирической проверке. Его прозрения, интуиции и внутреннее понимание не просто выносились на суд окружающих; они соответствовали очевидности общечеловеческого опыта. О сильнейшей потребности Юнга оставаться научным и эмпиричным свидетельствуют несглаженные углы его теории, грубые приближения, которые можно было бы сгладить усилиями интеллекта и воображения. В эмпирическом мире – при непосредственном переживании жизни – нет порядка, она полностью не укладывается в ячейки, созданные человеческим разумом и воображением. Поскольку Юнг в одно и то же время и визионер, интуитивный мыслитель, и ученый-эмпирик, его карта человеческой души одновременно и согласованна, и, в широком понимании, систематична и непротиворечива.

Одна из причин, по которой я настойчиво читал Юнга на протяжении более чем двадцати пяти лет, – это то, что он не является насильственно непротиворечивым. Изучая таких по-настоящему систематичных мыслителей, как Тиллих или Гегель, я всегда чувствовал себя неловко в плотных тисках их железных доводов. Их мысли слишком строго организованы для

⁶ Jung. *Memories, Dreams, Reflections*. P. 182–183.

меня. Куда исчезает беспорядочность и свежесть жизни? Это заставляло меня искать мудрости у художников и поэтов, а не у философов и теологов. Я подозрительно отношусь к строгим системам. Они выглядят для меня слишком параноидальными. Но я никогда не воспринимал так написанное Юнгом.

Читая Юнга, я всегда ощущал глубокое уважение к тайнам человеческой психики, и такое отношение давало мне возможность расширять горизонты. Его карта открывает перспективы вместо того, чтобы закрывать их. Надеюсь, мне удастся создать такое же впечатление у тебя, читатель.

Этот труд является вводным. Хотя я надеюсь, что даже те, кто хорошо знаком с юнгианской психологией, смогут извлечь из него что-то полезное, моя основная аудитория – это те, кто хотел бы знать, о чем говорил Юнг, но пока еще не знает, как подступиться к его богатому и сложному наследию. Каждая глава этой книги посвящена одному из разделов его теории. Я рассматриваю отдельные фрагменты из собрания сочинений Юнга, относящиеся к конкретной части его карты. Мотивированный и любознательный читатель может на досуге продолжить свое знакомство с этими произведениями. Я надеюсь, что ознакомление с наследием Юнга, основанное на его текстах, станет дружеским приглашением погрузиться в первоисточники и проштудировать подчас непростые для понимания юнговские смыслы, вникнуть в их контекст.

Я выбрал эти фрагменты на свой вкус. С тем же успехом можно цитировать и анализировать другие, относящиеся к предмету работы. Я пытался выбрать наиболее понятные и представительные статьи и отрывки из трудов Юнга, которые продемонстрировали бы согласованность его мировоззрения. Карта души по Юнгу – это плод мощного ума, наблюдательности и творческого прозрения. Достижения немногих мыслителей современности можно сравнить с той выдающейся работой, которая заключена в 18 томах Собрания сочинений Юнга, трех томах писем, многочисленных интервью и заметок по разным поводам, его автобиографии (написанной совместно с Аниелой Яффе). Из этой горы материалов я выбрал разделы, имеющие непосредственное отношение к его теории, и оставил в стороне те, которые связаны с аналитической практикой и интерпретацией культуры, истории и религии.

Я возвращаюсь к вопросу, заданному мной выше: существует ли система в наследии Юнга? Ответом было бы, наверное, осторожное «да». Эта теория едина в той же мере, в какой Швейцария остается единой страной несмотря на то, что ее население говорит на четырех разных языках.

Целое связано воедино, даже несмотря на то, что части кажутся разрозненными и функционируют совершенно независимо друг от друга. Юнг не мыслил систематически, как это делают философы, строя свои положения на основании посылок и будучи уверенными, что части согласуются между собой без противоречий. Он претендует на то, чтобы быть эмпирическим ученым, поэтому его теоретизирование отражает неупорядоченность эмпирически переживаемого мира. Как интуитивный мыслитель, Юнг намечает основные концепции, разрабатывает некоторые их детали, а потом переходит к другим концепциям. Он нередко возвращается назад, повторяется и по дороге заполняет пробелы. Это делает его труды сложными для чтения. Чтобы получить общую картину, необходимо знать всю книгу. Читая его работы более или менее вразброс, вы через какое-то время начинаете подозревать, что отдельные части как-то согласуются в собственном представлении Юнга, но, только дочитав до конца и поразмышляв некоторое время, вы можете увидеть, как они связаны на самом деле.

Я думаю, что, проникнув в своей клинической деятельности в глубины и достигнув дальних пределов психики, Юнг чувствовал, что должен терпеливо и долго работать, чтобы достоверно изобразить эту величественную картину человеческой души. Он не спешил и, бывало, годами откладывал публикацию, пока не продвигался в построении структур, которые могли бы поддержать его убеждения в ученом мире. Поскольку мы пытаемся постичь эту картину во всей ее широте, нам необходимо помнить, что он работал над ней на протяжении почти шести

десятилетий. Не стоит требовать абсолютной согласованности от такой долгой работы, к тому же настроенной на эмпирическую действительность.

Вот какую историю рассказывали о Юнге его студенты из Цюриха. Когда однажды его обвинили в противоречиях по каким-то теоретическим пунктам, он ответил: «Я сконцентрировал свой взгляд на центральном огне и пытаюсь расставить зеркала, чтобы сделать его видимым для других. Иногда между этими зеркалами остаются пробелы, и они не стыкуются друг с другом. Я не могу исправить этого. Лучше смотрите на то, на что я пытаюсь указать!»

Я считаю своей задачей как можно точнее описать, что Юнг показывает в этих зеркалах. Это видение, которое подтверждено многими представителями нашего поколения, может быть, и есть видение на обозримое будущее. Кроме того, его наследие дает нам образ великой тайны, именуемой человеческой психикой.

Глава 1

Поверхность

Я начну рассматривать юнговскую карту души с его описания человеческого сознания и наиболее важной его особенности – *Эго*. Эго – это технический термин, который происходит от латинского слова, означающего «я». Сознание – это состояние бодрствования, и в центре его находится Я. Это очевидная отправная точка, это вход в обширную внутреннюю область, которую мы называем психикой. В то же время это сложное специфическое свойство психики, все еще таящее в себе множество загадок и вопросов, остающихся без ответа.

Юнга больше интересовало то, что лежит ниже сознания во внутренних сферах психики, но вместе с тем он поставил перед собой задачу описать и объяснить человеческое сознание. Он хотел создать полную карту души, а эго-сознание является главной характерной особенностью исследуемой им территории. На самом деле Юнга нельзя назвать эго-психологом, но все-таки он приписал социальную ценность именно Эго. Он предложил список функций Эго и распознал решающее значение большего осознания для будущего человеческого существования и культуры. Кроме того, он хорошо понимал, что эго-сознание является необходимой предпосылкой психологического исследования. Это инструмент. То, что мы, как человеческие существа, знаем о чем-либо, обусловлено свойствами и ограничениями нашего сознания. Поэтому изучать сознание – значит направлять внимание на инструмент, которым все мы пользуемся в психологических исследованиях и изысканиях.

Почему так важно – особенно в психологии – понимать природу эго-сознания? Потому что нам необходимо вносить исправления в искаженную картину. Юнг говорил, что любая психология – это личное вероисповедание⁷. Каждый творческий психолог ограничен своими собственными личностными предубеждениями и неисследованными предположениями. Не все, что кажется истинным даже самому серьезному и искреннему сознанию исследователя, обязательно является точным знанием. Многие из того, что среди людей воспринимается как знание, при ближайшем критическом рассмотрении оказывается обыкновенным предрассудком или верованием, основанным на искажении, предубеждении, слухах, предположениях или чистой фантазии. Верования принимают за знание и цепляются за них, будто это надежные и несомненные факты. «Верую, чтобы понимать» – это известное высказывание св. Августина звучит несколько странно для современных ушей, и все же такое часто случается, когда люди говорят о психологической реальности. Юнг искренне стремился исследовать основы собственных суждений, критически оценивая орудие, которым пользовался, чтобы совершать свои открытия. Он настойчиво повторял, что критическое понимание сознания в науке так же необходимо, как и в философии. Точное понимание психики или чего бы то ни было подобного зависит от состояния сознания. Юнг хотел представить критическое понимание сознания. Это было главной целью его работы над ключевым трудом «Психологические типы», где описаны восемь когнитивных схем, совершенно по-разному влияющих на человеческое сознание, а также обработку информации и жизненный опыт.

Отношение Эго к сознанию

Итак, Юнг много пишет об эго-сознании в своих работах. Я хочу обсудить, прежде всего, первую главу его последнего труда, *Аion*, озаглавленную «Эго», а также некоторые связанные с ней тексты и высказывания. Они подытоживают его позицию и показывают нам его зрелое

⁷ Jung. Coll. Wks. Vol. 4. Par. 772.

суждение о предмете. В конце этой главы я буду обращаться также и к «Психологическим типам».

«Aion» можно читать на нескольких уровнях. Это произведение отражает его глубокую озабоченность западной интеллектуальной и религиозной историей и ее будущим. Здесь также можно обнаружить его наиболее тщательно продуманные мысли относительно архетипа Самости. Первые четыре главы были добавлены к книге позже, чтобы снабдить неискушенного читателя введением к его общей психологической теории и дать ключевые термины аналитической психологии. Несмотря на то что эти вводные страницы не изобилуют подробностями или техническими деталями, в них содержатся сжатые суждения Юнга относительно таких психических структур, как Эго, Тень, Анима, Анимус и Самость.

Юнг дает следующее определение Эго: «Оно представляет собой центр поля сознания как такового; и в той степени, в которой его охватывает эмпирическая индивидуальность, Эго является предметом всех личностных действий сознания»⁸. Сознание – это «поле», а то, что Юнг называет «эмпирической индивидуальностью», является нашей личностью, какой мы ее знаем в непосредственном переживании. Эго как «предмет всех личностных действий сознания» находится в центре этого поля. Термин «Эго» относится к переживанию себя как центра воли, желания, размышления и действия. Определение Эго как центра сознания проходит через все работы Юнга.

Далее Юнг характеризует функцию Эго в рамках всей психики: «Отношение психического содержимого к Эго является критерием его сознательности, ибо никакое содержимое не может быть сознательным, если оно не представлено субъекту»⁹. Эго – тот «субъект», которому психическое содержимое должно быть «представлено». Оно подобно зеркалу. Более того, связь с Эго – необходимое условие того, чтобы что-либо стало сознательным: чувство, мысль, восприятие или фантазия. Эго – своего рода зеркало, в котором психика видит себя и становится сознательной. Поскольку психическое содержимое принято и отражено в Эго, постольку можно говорить о том, что оно принадлежит сознанию. Пока психическое содержимое лишь едва или только частично осознано, оно еще не схвачено и пребывает на отражающей поверхности Эго.

В абзацах, следующих за определением Эго, Юнг проводит кардинальное различие между сознательными и бессознательными чертами психики: сознание – это то, что мы знаем, а бессознательное – все то, чего мы не знаем. В другом тексте, написанном приблизительно в то же время, он дает более точную формулировку:

«Бессознательное – это не просто неизвестное, это, скорее, психическое неизвестное; и это мы определяем <...> как все те вещи в нас, которые, будучи восприняты сознанием, по-видимому, ни в каком отношении не будут отличаться от известного психического содержимого»¹⁰. Различие между сознательным и бессознательным, столь фундаментально важное в общей юнговской теории психики, как и во всей глубинной психологии, указывает на то, что какое-то содержимое отражается Эго и хранится в сознании, где в дальнейшем его можно исследовать и контролировать, в то время как другое психическое содержимое пребывает вне сознания – временно или постоянно. Бессознательное вбирает в себя весь психический материал, который по какой-либо причине сколь угодно долго находится вне сознания. Фактически это обширная большая часть психического мира. Бессознательное являлось главной сферой исследований глубинной психологии, и самый страстный интерес Юнга обращен к исследованию именно этой территории. Однако более подробно об этом ниже.

⁸ Jung. Coll. Wks. Vol. 9/ii. Par. 1.

⁹ Ibid.

¹⁰ Jung. Coll. Wks. Vol. 8. Par. 382.

Юнг в своих работах часто говорит об Эго как о «комплексе» – термин, который мы всесторонне обсудим в следующей главе. Тем не менее в «Aion» он просто называет его специфическим содержанием сознания, утверждая, что сознание есть более широкая категория, чем Эго, и вмещает в себя намного больше, чем Эго.

Чем является сознание само по себе – это поле, где расположено Эго, которое занимает и определяет его центральную часть? Если совсем просто, сознание – это осознание. Это состояние бодрствования, наблюдения и отслеживания всего того, что происходит вокруг и внутри тебя. Конечно же, люди – не единственные осознающие существа на земле. Другие животные тоже обладают сознанием, так как с очевидностью наделены умением наблюдать происходящее в окружающей среде и реагировать различными, тщательно отработанными способами. Чувствительность растений к окружающей среде тоже можно рассматривать как некую форму сознания. Само по себе сознание не выделяет человеческий вид из всех других форм жизни. Оно также не является чем-то, что отличает взрослых людей от младенцев и детей. В самом строгом смысле человеческое сознание по своим сущностным свойствам вообще не зависит от возраста или уровня психологического развития. Мой друг, наблюдавший рождение своей дочери, рассказал мне, как он был тронут, когда, после того как удалили плаценту и прочистили ей глаза, она открыла их и осмотрела помещение, вбирая его в себя. Это был очевидный признак сознания. Глаз – это индикатор присутствия сознания. Его живость и движение являются сигналами того, что на мир смотрит сознательное существо. Конечно же, сознание зависит не только от зрения, но и от других чувств. Еще в матке, прежде чем глаза младенца начнут видеть, он реагирует на голоса и музыку и демонстрирует заметную отзывчивость. Мы еще не знаем точно, когда впервые эмбрион достигает уровня осознания и способности реагировать, который можно было бы определенно назвать сознательностью, но это происходит рано и, несомненно, еще в пренатальный период.

Противоположным сознанию является глубокий сон без сновидений, полное отсутствие отклика и чувственного осознания. А длительное отсутствие сознания в теле – это практическое определение смерти, за исключением случаев долгого пребывания в коме. Сознание, даже потенциальное, является «фактором жизни»; оно присуще только живым организмам.

Все, что совершает с сознанием развитие, – добавляет в него определенное содержание. В теории человеческое сознание можно отделить от его содержания – мыслей, воспоминаний, идентификаций, фантазий, эмоций, образов и слов, которые переполняют его. Но на практике это почти невозможно. В действительности только продвинутые адепты духовных практик, видимо, способны убедительно продемонстрировать такое отделение. Тот истинный мудрец, кто способен отделить сознание от его содержания и сохранять их разделенными, чье сознание не определяется идентификациями с отдельными мыслями и образами. Для большинства людей сознание без осязаемого объекта, в котором оно могло бы укорениться, покажется чем-то чересчур эфемерным и непостоянным. Устойчивость сознания и чувство «осязаемости», как правило, обеспечиваются наличием конкретных объектов и содержаний, таких как образы, воспоминания, мысли. Именно они создают сущность и непрерывность сознания. Однако, как свидетельствуют парализованные люди, содержание и даже эго-функции сознания – суждение, запоминание, называние, способность говорить, способность узнавать образы и людей, их лица – на самом деле являются гораздо более мимолетными и хрупкими, чем само сознание. Например, можно полностью потерять память и все еще остаться осознающим. Сознание похоже на комнату, которую временно заполняет психическое содержание. И сознание предшествует Эго, которое затем может стать его центром.

Эго, как и сознание, тоже выходит за пределы конкретного содержания, находящегося в «комнате» сознания в любой конкретный момент. Эго – это фокус в пределах сознания, его центральный элемент и, возможно, его наиболее постоянное свойство. Вопреки мнению, господствующему на Востоке, Юнг утверждает, что в отсутствие Эго сознание само ставится

под сомнение. Однако верно то, что некоторые функции Эго можно приостановить или даже упразднить, не разрушив сознания полностью и что люди имеют реальную возможность хотя бы в течение короткого периода пребывать в своего рода «сознании без Эго», когда почти не проявляются признаки волевого центра Я.

Для Юнга Эго является главным центром сознания и фактически в значительной степени определяет, какое содержание останется в пределах сферы сознания, а какое будет пропущено и попадет в бессознательное. Эго ответственно за хранение содержания в сознании, и оно также может, прекратив отражать содержание, удалить его оттуда. Если воспользоваться термином Фрейда, который Юнг находил приемлемым, Эго может «вытеснять» содержание, которое кажется ему неприятным, нестерпимо болезненным или несовместимым с другим содержанием. Оно может также восстановить содержание из его хранилища в бессознательном (то есть из банка памяти), коль скоро оно: а) не заблокировано механизмами защиты, такими как вытеснение, удерживающими невыносимые конфликты за пределами досягаемости сознания, и б) имеет достаточно прочную ассоциативную связь с Эго – оно достаточно хорошо «изучено».

В своей основе Эго не состоит из приобретенного содержания сознания и не определяется им, как, например, мимолетными или даже хроническими идентификациями. Оно подобно зеркалу или магниту, что удерживает содержимое в фокусе осознанности. Но оно также проявляет волю и действует. Будучи животворным центром сознания, оно предшествует обретению языка, персональной идентичности и даже осознанию личного имени. Более поздние приобретения Эго, такие как узнавание собственного лица и имени, относятся к содержанию, тесно примыкающему к этому центру сознания, и, в свою очередь, они определяют Эго и увеличивают сферу его контроля и самосознания. По сути, Эго – это виртуальный центр осознанности, который существует, по крайней мере, с рождения, око, которое смотрит и всегда смотрело на мир из этого пункта наблюдения, из этого тела, с этой индивидуальной точки зрения. Само по себе оно ничто, то есть не нечто. Вот почему оно так неуловимо и неосяземо. Иногда его существование вообще отрицается. И все же оно всегда присутствует. Оно не продукт воспитания, роста или развития. Оно является врожденным. И хотя оно может принимать тот или иной вид, развиваться, становиться сильнее, проходя через столкновения с действительностью (см. ниже), его ядро – это данность. Оно появляется вместе с новорожденным.

Согласно описанию психики у Юнга, существует некая сеть ассоциаций между различными содержаниями сознания. Все они прямо или косвенно связаны с центральным штабом, с Эго. Эго – не только топографический, но и динамический центр сознания. Это энергетический центр, который движет содержимым сознания и распределяет его в порядке значимости. Эго – центр принятия решений и свободной воли. Когда я говорю: «Я собираюсь на почту», – мое Эго принимает решение и мобилизует физическую и эмоциональную энергию, необходимую для выполнения задания. Эго направляет меня к почтовому отделению и встречает меня там. Оно – руководитель, который устанавливает приоритеты: «Иди на почту, не отвлекайся и не поддавайся желанию пойти прогуляться по парку». Эго можно рассматривать как центр «эгоизма», но оно является также центром альтруизма. Внутри и вне себя Эго, как понимал и описывал его Юнг, является нравственно нейтральным, это не «что-то плохое», как слышится многим при его упоминании в обычной речи («ах, какое у него Эго!»), а необходимая часть психологической жизни людей. Эго – это то, что отличает людей от других живых существ, тоже наделенных сознанием; оно также отделяет одного человеческого индивидуума от других человеческих существ. Это фактор индивидуализации в человеческом сознании.

Эго фокусирует человеческое сознание и придает нашему осознанному поведению постоянство и целеустремленность. В силу того, что у нас есть Эго, мы обладаем свободой принимать такие решения, которые могут бросить вызов нашим инстинктам самосохранения, размножения и творчества. В Эго содержится наша способность управляться с большим количеством материала в рамках сознания и манипулировать им. Это мощный магнит ассоциаций и орга-

низационный посредник. Именно из-за того, что люди владеют такой силой в центре сознания, они способны интегрировать большие массивы данных и управлять ими. Сильное Эго способно овладевать большими количествами содержаний сознания и произвольно перемещать их. Слабое Эго не слишком приспособлено к работе такого рода и легче уступает импульсам и эмоциональным реакциям. Слабое Эго легко отвлекается, и, как следствие, сознанию недостает концентрации и мотивации.

Люди вполне могут оставаться сознательными, приостановив многие обычные функции Эго. По собственной воле мы можем оставаться пассивными и бездействующими, просто фиксируя все происходящее вокруг и внутри, как кинокамера. Однако обычно невозможно длительное время сохранять волевым усилием созерцательное состояние сознания, потому что Эго и вся психика быстро вовлекаются в объект созерцания. Например, при просмотре кинофильма, поначалу мы можем просто следить за игрой актеров и сюжетом. Но вскоре мы начнем отождествлять себя с тем или иным персонажем, и наши эмоции оживятся. Эго готовится к действию, и, если вы испытываете трудности в различении образов кинофильма и реальности (еще одна функция Эго), у вас появится искушение совершить что-то реальное. Тогда тело мобилизуется, а Эго выбирает и определяет конкретное направление действия. В действительности кино построено так, чтобы зрители эмоционально принимали чью-либо сторону и поддерживали все, что бы ни делал или чувствовал конкретный персонаж. Вовлеченное таким образом в действие Эго, как центр желания, надежды, а, возможно, и намерения, приходит в активное состояние. Вполне вероятно, что кто-то может принять самое главное решение своей жизни во время просмотра кинофильма под влиянием чувств и мыслей, вызванных его образами. Люди покидают кинозал, преисполнившись силы или вожделения. Эго оказывается захваченным эмоциями, идентификациями и желаниями и включает свою направляющую функцию и энергию, чтобы действовать.

Очевидно, свобода Эго весьма ограничена. Оно легко поддается влиянию как внутренних психических импульсов, так и внешних стимулов окружающей среды. Эго может ответить на угрожающий стимул, защищая себя с оружием; а может прийти в состояние активности под влиянием острой потребности творить, или любить, или искать возмездия. Оно может также ответить на эго-импульс, то есть отреагировать нарциссически. Например, оно может быть захвачено жадной мести.

Таким образом, бодрствующее сознание фокусируется посредством того, что Эго регистрирует внутренние стимулы, внешние события и приводит тело в движение. Возвращаясь к истокам Эго, отметим, что они предшествуют самому раннему детству и младенчеству. Даже младенец замечает вокруг себя какие-то образы, некоторые из них кажутся ему приятными, и он тянется им навстречу. Эти самые ранние сигналы интенциональности организма – свидетельство раннего происхождения Эго, ощущения Я.

Размышление о природе и сущности этого Я приводит нас к глубоким психологическим вопросам. Чем является Эго в своей основе? Что такое Я? Юнг сказал бы просто, что Эго – это центр сознания.

Я чувствует, возможно, наивно, что оно существовало всегда. Даже упоминания о прошлых жизнях иногда воспринимаются с готовностью. Изменяется ли Я существенным образом на протяжении жизни, остается открытым вопросом. Разве не то же Я, которое плакало по маме в возрасте двух лет, плачет об утраченной любви в сорок пять лет или об ушедшей супруге в восемьдесят? Хотя очевидно, что многие свойства Эго развиваются и изменяются, особенно те, что касаются познания, самопознания, психологической идентичности, компетентности и т. д., одновременно что-то остается неизменным в самом сердце Эго. Многие люди предпринимали активные попытки найти «внутреннего ребенка». За этим стоит признание, что тот ребенок, которым я был когда-то, – это тот же самый человек, что и я взрослый. Возможно, ядро Эго не изменяется в течение жизни. Может быть, именно на этом основаны интуиции и

стойкие убеждения многих людей, что ядро Эго не исчезает вместе с физической смертью, но отходит в место вечного отдыха (небеса, нирвана) или рождается повторно в другой жизни на физическом плане (реинкарнация).

Впервые ребенок говорит «я» приблизительно в двухлетнем возрасте. До этого момента он говорит о себе в третьем лице или по имени: «Тимми хочет» или «Сара идет». В тот момент, когда ребенок становится способен сказать «я» и мыслить саморефлексивно, сознательно помещая себя в центр своего личного мира и обозначая это положение специальным местоимением первого лица, он совершает огромный прыжок на пути к сознанию. Но не это является моментом рождения Эго. Еще задолго до этого сознание и поведение сосредоточивалось вокруг реального центра. Эго с очевидностью существует до того, как становится воспринимаемым сознательно и рефлексивно, а процесс осознания разворачивается постепенно и продолжается всю жизнь. Рост самосознания – это процесс, который проходит через многие стадии, начинаясь в младенчестве и заканчиваясь во взрослой жизни. Одну из таких стадий Юнг довольно подробно описывает в «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях», где он рассказывает, как в тринадцать лет, выйдя из тумана, он вдруг впервые осознал: «Теперь я сам по себе»¹¹.

Именно наличием этой способности достигать высокого уровня самопознания и самосознания, то есть саморефлексивного Эго, человеческое сознание отличается от животного, насколько нам это теперь известно. Это различие относится не только к человеческой речи, дающей возможность говорить о себе «я», зная, что имеем в виду себя, и таким образом делать его более сложным, но и к очевидной функции отражения, существующей в человеческом сознании. Эта функция является доречевой и послеречевой. Это знание того, что некто существует (а позднее, что некто умрет). Именно в силу наличия Эго – этого встроенного в сознание зеркала – мы знаем, что мы есть, и знаем, какие мы. Очевидно, что другие виды животных тоже хотят жить, управляя окружающей средой, они проявляют явные признаки эмоций и сознания, а также интенциональности, исследования действительности, самоконтроля и многого другого, что мы относим к эго-функциям. Однако в сознании животных отсутствует или же присутствует в очень слабо выраженной форме именно эта отражающая функция. У них очень мало Эго. Знают ли они, что каждый из них умрет, что они – отдельные индивидуумы? Вряд ли. Поэт Рильке говорил, что животные относятся к смерти не так, как люди, и это дает им преимущество более насыщенной жизни в каждое мгновение. Животные осознают себя не в той степени, что люди, и, не имея языка, они не способны ни проявить даже ту самоосознанность, которой обладают, ни отделить себя от других, как это делают люди при помощи речи¹².

Начиная с определенного момента в развитии, Эго и сознание человека в значительной степени формируются миром культуры, в котором личность растет и воспитывается. Это внешний уровень, или оболочка эго-структуры, которая окружает центр Эго. По мере того как ребенок взрослеет в мире культуры, изучает ее формы и обычаи в процессе семейного воспитания и школьного образования, оболочка Эго становится все более мощной. Говоря об этих двух составляющих Эго, Юнг называет их «личность № 1» и «личность № 2»¹³

¹¹ Jung. Memories, Dreams, Reflections. P. 32.

¹² Многим видам животных, по-видимому, присущи ярко выраженные коммуникативные способности, правда, они имеют свою специфику и не разгаданы до конца. Однако любопытно, что их едва можно сравнить даже с самыми слабыми способностями людей овладевать речью и функционировать в лингвистической вселенной. Без сомнения, многие их невербальные коммуникативные способности еще требуют изучения.

¹³ Jung. Memories, Dreams, Reflections. P. 45.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.